

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 82.0 (47)
ББК 83.3 (2=Рус)
П 16
У.М. Панеш

Интеграция культур и проблемы изучения отечественной литературы XX века

(Рецензирована)

Аннотация:

Процессы культурной интеграции относятся к наиболее значимым явлениям общественно-исторического развития. Интеграционная революция ускоряет и активизирует культурную диффузию. Сближение культур оказывает влияние на формирование жанров литературы, стилей и эстетических направлений. Большую роль в этом случае играет теоретическое осмысление художественно-эстетической общности, названной советской литературой. Картина этого уникального в мире явления будет неполной без изучения истории и теории новописьменных литератур, их типологических особенностей, своеобразия становления, этапов развития.

Ключевые слова:

Интеграция литератур, художественно-эстетическая общность, контактные и типологические связи, сравнительно-исторический метод исследования, стилевое своеобразие, сравнительно-типологический анализ, системное изучение искусства и литературы, национальные особенности, новописьменные литературы, этапы развития.

Своеобразие искусства XX века характеризуется дальнейшим самоопределением и бурным развитием национальных литератур. В равной степени относится это и к отечественной литературе. Процессы культурной интеграции явились в то же время наиболее значимыми и влиятельными тенденциями современной литературы. Унификация различных культурно-исторических форм, к примеру, языка, литературы, будучи по своей природе явлением сложным, сыграла различную роль и имела разные последствия. Она способствовала формированию новых условий для активизации социально-экономического движения, что оказало воздействие на становление государственности и развитие общества. Истории известны примеры, когда интеграция в определенных условиях вела к исчезновению отдельных национальных культур и, таким образом, способствовала упрощению и обеднению общечеловеческой культуры.

Информационная революция, ставшая реальностью в новое время, ускоряет, по общему убеждению, интеграцию и активизирует культурную диффузию. Таким образом, в условиях информационного общества интеграция таит в себе определенную опасность. Ее последствия поэтому нуждаются в осмыслении и кропотливом исследовании. Иначе говоря, сближение культур и вытекающее из него формирование художественных общностей стали не просто фактом. Они влияют на социальные процессы в обществе, а в литературе на становление жанров, стилей и эстетических направлений.

XX век рассматривается в плане сказанного как новый этап формирования единой мировой культуры. Речь не идет об образовании наднационального, синтезированного искусства, оторванного от жизни и национального начала. Разными авторами отмечается в этом случае именно формирование мирового искусства, составной частью которого являются отдельные

литературы. Характеризуя эти процессы, И. Г. Неупокоева отмечает, что главное, с одной стороны, видеть «неповторимое эстетическое своеобразие» каждой литературы, а с другой – изучать «живые и многообразные процессы, все теснее связывающие между собой многообразными идейными и эстетическими связями все литературы мира...» (1).

История отечественной литературы XX века представляет в этом случае оригинальный материал для анализа, оценки и теоретических соображений. Известно, что сформировавшаяся на протяжении 70 лет и претерпевшая сложную эволюцию многонациональная культура стала явлением уникальным. Она и сегодня заслуживает пристального внимания в плане поставленной проблемы и, вообще, как художественно-эстетический феномен. Теоретическое осмысление художественно-эстетической общности, названной советской литературой, началось давно, можно сказать с момента начала ее формирования. Качественно новая форма исторического единства национальных литератур оказалась объектом внимания не одного поколения литераторов. Можно в этой связи назвать труды М. Б. Храпченко, Л. Тимофеева, З. Кедриной, Н. И. Конрада, Г. Ломидзе, Л. Новиченко, М. Пархоменко, Ю. Суровцева, Р. Бикмухаметова, Ю. Барабаша, Ч. Гусейнова и др. Названное сложное идейное и художественно-эстетическое явление рассматривалось в его связи с политическими событиями и идеологическими процессами, которые протекали в обществе. В частности, оно исследовалось, прежде всего, в описательном историко-литературном плане.

Далее предпринимаются попытки анализа «новой литературной общности» в плане жанровых и структурно-стилевых особенностей. А в 60-е годы намечается системное изучение общесоветской литературы. Художественный процесс исследуется в данное время в исторических связях с поступательным движением социально-исторической реальности, углубляется тенденция его изучения в теоретической, методологической плоскости. Об этом свидетельствуют фундаментальные работы Л. Тимофеева, М. Храпченко, Н. Конрада, Ю. Суровцева, А. Овчаренко, А. Иезуитова, И. Волкова, Ч. Гусейнова и др.

Понятно, что советское общество, будучи крайне политизированным, нуждалось в идеологически сориентированной теории новой эстетической общности. Такая модель была создана и обеспечена большой по объему художественной литературой. Живая литература, вместе с тем, не могла вместиться в догматизированные рамки предложенного метода. Это касается в равной степени и литературной теории. Об этом свидетельствует как история русской литературы XX века, так и история литератур других народов советского государства. Новое эстетическое единство, несмотря на свою противоречивую природу, между тем представило мировой цивилизации ни с чем не сравнимый в эстетическом отношении опыт, который нуждается в изучении и переосмысленной оценке. Об этом, к примеру, говорит творчество М. Шолохова, М. Булгакова, Ф. Абрамова, К. Гамсахурдия, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, А. Евтыха и др.

Формирование новых эстетических подходов было вызвано, безусловно, самой жизнью, образованием после революции единого социалистического государства. Потому этот процесс нельзя назвать искусственным или тем более делать вид, будто в истории не было такого большого, значительного и сложного этапа в нашей литературной жизни. Национальные литературы оказались в различных формах взаимодействия с другими культурами, образовали разные по характеру единства и вошли во всеобщее художественно-эстетическое сообщество. Яркое тому свидетельство – формирование таких национальных литератур, как адыгейская, кабардинская, черкесская. Близкие по языку, генетическим признакам, историческим условиям развития эти литературы с самого начала возникновения оказались в ситуации особого взаимного тяготения и сформировали устойчивое зонально-эстетическое единство. Единство это, в свою очередь, вошло и в географическом, и в идейно-художественном отношении в Северо-кавказский регион, а далее – в единую отечественную культуру.

Большое значение для формирования различных форм общностей сыграли контактные связи, чему способствовало интенсивно развивающееся национально-русское двуязычие. Литература, ранее сформированная на территории Российской империи, в плане сказанного нако-

пила определенные традиции. Можно привести пример взаимодействия и взаимовлияния, скажем, русской и украинской литератур или русской и осетинской художественных культур.

Интеграция в условиях формирующегося социалистического государства получила не только соответствующее идеологическое обеспечение, ее сопровождали быстрые темпы, другой уровень взаимодействия. Сближение литератур наполнилось и новым в качественном отношении содержанием. Заметно усиливаются, к примеру, контактные формы литературных связей, что было вызвано формированием авторитарного государства и усилением центробежных тенденций во всех сферах жизни. Контактные связи, влияние, заимствование в этой ситуации, безусловно, обогащали литературу, они объективно вели к сближению культур и формированию художественных общностей.

Контактные связи сыграли особую роль в развитии новописьменных литератур. Речь в данном случае идет о десятках национальных культур, которые начинают свое существование в 20-е гг. Освоение традиций художественного творчества народом, совсем недавно получившим письменность, протекало через освоение опыта, с одной стороны, фольклора и традиций других, более развитых литератур, с другой. Национально-русское двуязычие в этом случае стимулировало обращение писателей, прежде всего, к русской литературе, которая, в свою очередь, могла представить не только богатейшую традициями культуру, но и стать наглядным примером для подражания.

Влияние и заимствование чужого творческого опыта было, таким образом, неизбежным. Главным было то, что контактные связи могли дать толчок для усвоения традиций и ускоренного развития. Об этом свидетельствует интенсивное формирование ряда новописьменных литератур. Известно, что история мировой литературы и ранее сталкивалась с подобными явлениями. В подтверждение можно привести пример формирования литератур индейских народов Америки.

Контактные связи давно стали объектом непосредственного исследования. В одном случае речь идет о литературах, близких генетически историческим судьбам и языку. В качестве примера можно привести татарскую и башкирскую литературы. Об этом свидетельствует и

сравнительное исследование кабардинской, черкесской, адыгейской литератур. Здесь обозначены подходы и накоплен определенный опыт. Предметом изучения часто становились также контактные связи литератур, соотносимых по признакам двуязычия: русской и осетинской, русской и адыгейской, русской и кабардинской.

Литературоведение в плане сказанного не только накопило факты и систематизировало их, но и приступило к фундаментальным теоретическим обобщениям, к выяснению закономерностей общелитературного процесса. Сегодня стоит задача переосмысления этой важнейшей проблемы в культурно-исторических условиях XXI века.

В процессе возникновения и развития новой художественной общности складываются и типологические связи литератур. Именно сходства типологического характера, свидетельствующие о принадлежности эстетических явлений к одному типу, роду, выводят к фундаментальным закономерностям историко-литературного процесса. Этим определяется плодотворность сравнительно-типологического метода, который оказался востребованным при изучении новых литературных общностей и истории всей многонациональной литературы. Выделяя национальные особенности и одновременно прослеживая сходные эстетические тенденции, типологический анализ устанавливает общие закономерности художественного процесса и выходит, таким образом, к фундаментальным теоретическим проблемам.

История изучения литератур свидетельствует, что при типологическом анализе исследование может опираться на разные подходы. Критерием сопоставления нередко оказывается «принцип идейной общности». Об этом свидетельствуют работы Г. Н. Пospelова (2). Основным принципом изучения в другом случае оказывается конфликт. Об этом пишет М. Храпченко (3). Этот же подход продуктивно использует К. Шаззо при изучении истории формирования трех родственных адыгских литератур в монографии «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (4). «Проблемно-стилевой подход», обозначенный А. Боровым как наиболее предпочтительный, задействован и эффективно применяется Ю. Суровцевым, Я. Эльсбергом. Этим принци-

пом исследования пользуется Р. Мамий в книге «Вровень с веком» (5).

Каждое из приведенных положений продуктивно и может сыграть определенную роль в анализе важных сторон искусства слова. Использование разных подходов и критериев должно способствовать в то же время проведению типологической классификации всего литературного процесса и созданию общей структурно-стилевой картины как прозы, так поэзии и драмы. Такие попытки также предпринимались в литературе 60-70-х гг.

В связи со сказанным можно, прежде всего, отметить появление основательной типологии романа в исследованиях М. Кузнецова, Л. Якименко, В. Оскоцкого, М. Пахомовой и др. Возможно, во многих случаях еще не было основательных критериев, а иногда не удавалось сформулировать научно обоснованных принципов для классификации жанра, а сами представленные схемы не отражали все многообразие отечественного романа. Но сама тенденция была вызвана объективной ситуацией и отражала потребность в обобщении и создании целостной картины историко-литературного процесса.

Показательно, что в адыгейском литературоведении достаточно четко повторялась эта же закономерность. М. Кунижев, к примеру, в своей монографии «Мысли об адыгейской литературе» (6) пытается не просто рассказать о формировании романа, но и провести типологическую классификацию жанра.

Соответствующая аналитическая работа проводилась и по другим разновидностям прозы. Она велась и по жанрам поэзии и драмы. Целенаправленная жанровая и структурно-стилевая модификация родов литературы дала возможность подойти к фундаментальной проблеме, к проблеме периодизации и структурно-типологической классификации всей отечественной литературы. Такие попытки были сделаны в работах Ю. Суровцева, А. Бочарова, А. Бучиса, Ч. Гусейнова, Н. Басселя и др. Важным было то, что классификация Ю. Суровцева устанавливала не только периоды литературного движения, а обозначила идейно-тематические и структурно-типологические особенности каждого этапа, связанного с общественно-историческими закономерностями соответствующего времени.

Используя научный критерий повторяемости и отмечая признаки общего художественного процесса, ученый в то же время не выпускал из поля своего зрения национальную специфику и национальные особенности литературного развития. Потому предложенная система оказалась продуктивной для всей отечественной культуры и востребованной каждой национальной литературой в отдельности.

Надо отметить в то же время, что весь живой и многообразный литературный процесс трудно было вместить в схему, пусть самую основательную, продуманную и совершенную. Каждая национальная литература имела опыт, свою специфическую историю формирования и становления. Потому и закономерности литературного развития проявлялись в них по-своему. Особые пути развития новописьменных культур приводили, к примеру, к тому, что некоторые жанры отставали в своем формировании, и структурно-типологические черты этапа проявлялись в них не так выразительно, как в других развитых литературах.

Показательно в плане сказанного другое. Тот или иной период развития с его жанровыми и структурно-стилевыми особенностями мог затянуться в отдельной национальной литературе. Обозначенный структурный пласт литературы не вмещался в указанные рамки. Схема в этом случае как бы нарушалась. Так, например, формирование «прозы исторического перелома» затянулось в ряде литератур северокавказского региона (балкарской, карачаевской, чеченской). Здесь произошло как бы смещение хронологических рамок отмеченных периодов литературного развития. Другой показательный пример: общеадыгская «военная проза» 50-60-х гг. не могла в полной мере отразить все типологические качества «современного периода».

Но нельзя сказать, что подобные отклонения нарушали общую картину развития отечественного художественно-эстетического процесса. Они свидетельствовали о том, что типологические закономерности того или иного литературного периода проявлялись в национальных условиях по-своему и отражали специфику их трудного становления и формирования.

Развитие контактных и типологических связей обусловило движение к образованию разного рода форм литературного единства. Нужно заметить, что в отечественном литера-

туроведении сложилась фундаментальная школа по изучению истории формирования литературных общностей. Выработаны и теоретические аспекты этой важнейшей проблемы (работы И. Неупокоевой, М. Пархоменко, Р. Бикмухаметова, А. Бучиса, А. Бочарова, Ч. Гусейнова и др.). Показательно то, что в этом случае упорядочена терминология, обозначены и конкретизированы понятия. Важно и другое. Наука на протяжении ряда десятилетий прошла трудный путь анализа национальных литератур, опираясь не только на географический и историко-лингвистический принцип объединения, а основываясь на их художественно-эстетической общности.

И сегодня в оценке литературы важно опираться на систематизацию всех явлений, всех произведений и включение их в общее художественно-эстетическое движение. Важно это, потому что идет не просто процесс перераспределения ценностей, имеет место попытка разрушения базовой концепции, на которую традиционно опиралось литературоведение. Надо вести речь, таким образом, не только об утрате исторического сознания и интересе к обыкновенному, обыденному герою, но и об «абсолютизации самого понятия фрагментарности как последней инстанции культурного развития»(7). Более того, имели и имеют место энтропия смысла слова, девальвация таких фундаментальных понятий, как «система», «эпоха», «литературный процесс», «развитие культуры» и т.д. Надо в связи с этим подчеркнуть, что, переосмысливая понятие истории, принимая во внимание позитивные достижения философско-эстетической мысли XX века и сопрягая все это с новым восприятием истории литературного процесса, мы не можем отказаться от национальной почвы, социально-исторических факторов и принципов систематизации и обобщения.

Конечно, сегодня необходимо обновление принципа историзма, нужно также новое прочтение сложившейся литературы на основе другого, переосмысленного методологического ключа. Нужна также систематизация литературного процесса на другой, модернизированной основе. Но важно в то же время сохранить трезвый взгляд. И в условиях, когда на смену наивному историзму, как многим представляется, неминуемо приходит постмодернизм,

важно идти по пути объективного анализа и взвешенных оценок.

В контексте сказанного как никогда актуально новое осмысление и оценка истории так называемых новописьменных литератур, ибо, если их не включить в систему многонационального отечественного искусства, картина этого уникального в мировой культуре явления не будет достаточно полной.

Исследование здесь затрудняется многообразием национальных условий, разнообразием социально-исторических и культурных истоков, разным уровнем и разной скоростью развития литературных процессов каждой из них. При этом надо учитывать накопленный исторический опыт изучения многонациональных литературных регионов, входящих в систему отечественной литературы. Одним из таких литературных общностей в науке давно считается Северный Кавказ и Дагестан.

Внутри этого региона литературоведение давно выделяет адыгские литературы как более узкую зональную общность. Приведенный подход в плане методологическом оказывается и сегодня продуктивным, ибо он помогает включить новописьменные литературы в отечественный и, далее, общий мировой художественный процесс. Накопленный опыт системного и сравнительно-типологического изучения литературного процесса позволяет в новых условиях еще раз поставить такие важнейшие проблемы, как исторические традиции и новые тенденции, межнациональные связи и национальное своеобразие, типологическая общность и индивидуальные творческие искания и пр.

Системный подход помогает также определить, что не менее важно, периоды и стадии развития литератур народов, что, в свою очередь, обусловливается спецификой эпохи XX века, условиями российского исторического развития, национальными особенностями формирования и многими другими факторами. Зарождение письменной литературы у ряда народов, в том числе адыгской зоны, связывается с началом 20-х годов XX века, когда собственно и появляется письменность в ее традиционно-классическом виде. Со сказанным связано и ее обозначение как «новописьменной литературы». Появление национальной письменной культуры фиксируется нередко и с более раннего периода, с эпохи формирования так назы-

ваемой просветительской литературы, создаваемой с начала XIX века на русском языке, т.е. в иноязычной форме.

Особый период и особый пласт художественной литературы, определяемые тяготением народов к культурно-исторической реальности России XIX века, представляет собой оригинальное в эстетическом плане наследие, сложное и неоднозначное во многих отношениях. Так называемая просветительская литература, безусловно, стала частью национальной культуры, и она вызывает к себе интерес как уникальное художественное явление, связанное с устным народным творчеством, национальной духовной культурой. Явление это в то же время испытало сильное, а зачастую определяющее воздействие русской эстетической мысли.

Показательно и то, что в типологическом отношении литература периода сравнима и сопоставима с рядом национальных письменных культур, созданных в разное время во множестве регионов России и в других странах. Можно в качестве примера привести дагестанские народы, использовавшие для создания письменной литературы не только русский язык, но и языки народов Востока.

Введение уникального эстетического явления в систему адыгского художественного самосознания возможно при его сравнительном изучении с близкими по характеру процессами, которые проходили в других регионах. Без этого трудно сформировать критерии характеристик и оценок, принципы периодизации как национального, так и регионального и далее – мирового литературного процесса. Надо сказать, что в научных изысканиях последних лет предпринимается такая попытка.

Объектом исследования становятся не охваченные в свое время художественные явления, что призвано объективнее представить картину указанного национального культурного наследия. Важна сегодня и другая тенденция: сделать именно эстетический анализ художественных явлений и попытаться включить данный материал в историко-типологическую систему общенациональной адыгской культуры, с одной стороны, и русской литературы XIX века, с другой.

Накопленный ранее и восполненный в последние годы опыт изучения просветительской литературы показывает, что наметившийся

процесс системного и историко-типологического изучения требует критического подхода. Существующая литература о просветительстве свидетельствует о том, что не все эстетические явления писателей стали объектом глубокого, именно системного анализа. На их осмысление и оценку по-прежнему оказывают воздействие односторонние, конъюнктурно сориентированные, а подчас политизированные историко-теоретические подходы. В ряде случаев, например, преувеличивается значение влияния русской литературы. Национальная письменная литература, возникшая и существовавшая в необычных условиях, как бы подтягивается до уровня русской литературы и рассматривается в контексте неприемлемых для нее критериев.

На других исследователей оказывает воздействие тенденция связать развитие указанного культурного наследия преимущественно с фольклорными, национальными истоками. Понятно, что такое восприятие может сузить поле зрения и негативно отразиться на анализе. Потому сейчас важны взвешенные подходы, новые оценки как художественных явлений, так и в целом самой эпохи как определенного периода в развитии национального культурного самосознания.

В серьезной научной аргументации нуждается, прежде всего, сама природа литературы, которую по традиции и зачастую по инерции называют просветительской. Между тем, это, казалось бы, само собой разумеющееся определение нуждается в серьезной аргументации. Анализ и обобщения на основе конкретных исследований и новых подходов могут вывести к новому уровню осмысления важнейших проблем. Это поможет ответить на следующие фундаментальные вопросы: Сложилось ли творчество просветителей XIX века в национальный литературный процесс? Можно ли в данном случае говорить о художественно-эстетической системе с определившимися признаками, устоявшимися особенностями, этапами? Существовал ли период развития национальной литературы или речь нужно вести о предыстории литературы и творчестве отдельных писателей адыгского происхождения, писавших на чужом языке и для русского читателя. И, наконец, можно ли говорить о называемых произведениях как о явлениях национальных?

Следующий исторический этап и соответствующий ему структурно-типологический пласт новописьменных литератур связан с отечественной культурой, которая складывается после 1917 года. История здесь еще раз подтвердила, что интеграция национальных литератур и их развитие возможны в сложных условиях тоталитарной политической системы.

Развитые культуры, имевшие каждая свою историю, традиции, и новописьменные литературы, начавшие существование чуть ли не сразу после революционных потрясений в обществе, образовали качественно новое художественное единство. Несмотря на свою противоречивую природу, оно представило мировой цивилизации ни с чем не сравнимый в эстетическом отношении опыт. Что касается новописьменных литератур, их основными чертами стали ускоренное становление, развитие в условиях двуязычия, движение под сильным воздействием таких факторов, как постороннее влияние и формирование различных форм общностей.

Таким образом, за 70 лет развития сложилась не только уникальная по своей природе письменная литература, но и история и теория ее изучения. Понятно, что системный подход и сравнительно-типологический метод были востребованы в этом случае отчасти для создания идеологически сориентированной доктрины, обслуживающей потребности политизированного государства. Искусственно смонтированная модель советского народа как новой исторической общности требовала создания политически ангажированной эстетической общности – советского социалистического искусства.

Иначе сам подход мог сузить представление не только об отдельных художественных явлениях, но и о природе литературных общностей. Объяснимо, что особенности национальных, региональных литературных процессов и критерии периодизации могли в таких условиях игнорироваться, искажаться и подгоняться под известные номенклатурные схемы.

Живой и конкретный анализ историко-литературного материала преодолевал в то же время отвлеченные декларативные принципы. Поиск объективно вел к заслуживающим и сегодня внимание вариантам научной систематизации и структурно-типологической классификации в целом общесоветского искусства, а в

его пределах – и новописьменных литератур. Такой опыт, накопленный десятилетиями, существует, и его необходимо использовать.

В плане сказанного заслуживает внимания систематизация и типологическая классификация отечественной литературы, предложенная в свое время Ю. Суровцевым, А. Бочаровым, А. Бучисом, Ч. Гусейновым, Р. Бикмухаметовым, Н. Басселем и др. Точка зрения названных авторов не лишена влияния комплексов, характерных для литературной теории советского периода. Но налицо и актуальная тенденция представить литературный процесс как явление целое, определенное не только историко-культурными, национальными, географическими факторами, но и художественно-эстетическими особенностями (8).

Кардинальные изменения в духовной жизни общества, перестройка конца 80-х и 90-х гг. приводят в то же время к переоценке традиционных схем и старых подходов. Такая тенденция вызвана жизнью и в принципе правомерна. Но и здесь возможны перегибы и поспешные решения. По всей видимости, должно потребоваться время, терпение и большая накопительная аналитическая работа, прежде чем удастся прийти к фундаментальным выводам.

Настоящие критерии общего литературного процесса, включающего в себя региональные общности и национальные литературы, могут быть найдены только на основе нового объективного и конкретного анализа множества художественных явлений, литературных стилей, художественных течений. Поэтому процесс может оказаться непростым и, возможно, болезненным. Об этом свидетельствуют безосновательные попытки отказаться от общепринятых определений хронологических рамок литературной эпохи XX века.

Ее начало не связывается, как раньше, с двумя определяющими событиями: Второй мировой войной и революцией в России. XX век как историческая эпоха не рассматривается как особое столетие, со своими особенностями, неповторимыми чертами. Она обозначается условно, с начала столетия без необходимой оценки и научной аргументации. Такой подход, формальный по своей сути, оказывается в методологическом отношении бесперспективным.

Отсутствие основополагающего подхода, определенной концепции эпохи приводит к от-

меченному варианту систематизации литературного процесса, ее членению просто на десятилетия. Такой опыт в свое время имел место, и он оказался распространенным особенно на начальном этапе формирования общесоветской литературы. Однако, надо отметить, что анализ в этом случае не может представить объективную, научно обоснованную структурно-типологическую картину художественного процесса. То же можно сказать и о попытках опять-таки условного деления литературы на довоенную и послевоенную.

Изучение и оценка отечественной литературы, которые сложились на протяжении почти столетия, должны основываться, прежде всего, на чувстве реальности. Это значит, что советская литература с ее сложностью, противоречиями и большими завоеваниями не просто была, она не только стала частью нашей истории. Она стала частью нашей духовной жизни, определяющей сегодняшнюю культуру. Более того, она определяет многое в нашем сознании и поведении. Вспомним У. Фолкнера, который сказал, что нет такого понятия, как «был», потому что прошлое существует сегодня. Оно является частью каждого человека, каждого момента, и человек в каждый момент своего действия является не только самим собой, а и представляет то, что сделало его таким.

Стало быть, исследование литературы важного времени должно опираться на цельную и основательную, безусловно, переосмысленную концепцию века с его фундаментальными потрясениями. Это даст возможность полного представления о литературной эпохе как идейно-художественной системе со своим началом, стадияльно-типологическими этапами развития, сложной эволюцией, формированием эстетического единства множества национальных литератур. Новописьменные литературы займут свое место в данной системе как вариант национального освоения таких закономерностей мирового искусства, которые проявились на новом историческом этапе развития общества.

Особое место в формировании исследуемой литературы может занять период, датируемый с начала 20-х гг. до середины 30-х гг. Это время должно быть, по всей видимости, отмечено как особый, первый период, как начало формирования литературы и искусства но-

вого времени. Его обычно определяют как «период исторического перелома». С ним также связывают «открытие активной личности», «участвующей в творении истории», «рождение большого эпоса» и «множества методов» (9).

Что касается молодых литератур, то и здесь в основу их формообразования легла революционная концепция мира, воспринимаемая и интерпретируемая как единственно верная и новаторская. Процесс овладения принципами так называемого нового, социалистического искусства протекал здесь в то же время в более сложных условиях, в условиях овладения письменной культурой и отсутствия устоявшихся национальных профессиональных традиций.

Литература в такой ситуации вынуждена была идти по пути быстрого развития от фольклорно-синкретического мышления к профессиональной художественной эстетике. Сказанным объясняется наличие переходного этапа, испытавшего сильное воздействие инонационального эстетического опыта. Художественное освоение жизни и человека эпохи проходило, однако, в национальных специфических условиях и, прежде всего, на основе собственных эстетических традиций. Сказалось в этом случае влияние культуры просветительства и поэтики устного народного творчества. Формировавшаяся таким образом новописьменная литература не просто копировала пути развитых культур, она типологически «повторяла» и по-своему выражала общие закономерности нового искусства, порожденного революционным временем.

Показательно и то, что особые условия развития привели к тому, что в молодых литературах более наглядно проявились негативные стороны в целом сложного процесса создания нового искусства. Воздействие догматизированной концепции о возможности быстрого революционного перерождения и выпрямления сознания приводит к показу во многом схематизированных персонажей. Герои, сомневающиеся, с трудом пробивающие дорогу к правде века, или маленькие люди, не сделавшие в решающий исторический момент правильного выбора, редко становятся объектом настоящего художественного показа. Некоторая односторонность, отсутствие драматизма в показе диалектики народного сознания и жизненных кол-

лизий были связаны не только с отсутствием опыта у новописменных литератур, но и с проявлением типологических черт прозы и поэзии «революционного перелома».

Следующий этап литературного процесса можно датировать со второй половины 30-х гг. Сюда нередко включают военные годы и послевоенное десятилетие. Известно, что в середине 30-х гг. в прозе и поэзии начинают появляться произведения, по своей художественной концентрации необычные для этого времени. В них нет привычной широкой событийности, нет традиционной панорамности. Историко-эпическое повествование в этих произведениях начинает уступать место художественной обобщенности, обостренной проблемности, символическому рисунку. В качестве примера можно назвать повесть адыгейского писателя Аскера Евтыха «Мой старший брат».

Сложность формирования литературы данного периода связана с тем, что она протекает одновременно под непосредственным воздействием «партийного номенклатурного вмешательства». С середины 30-х гг. провозглашается необходимость морально-политического единства советской литературы, которое предусматривает «пресечение эстетического плюрализма». Второй этап включает в себя, как видно, разные периоды художественного развития: это и конец 30-х гг. с его сложной, противоречивой динамикой, это необычное военное время, приведшее литературу к кардинальным жанрово-структурным и проблемно-стилевым изменениям, это послевоенные годы, когда литература находилась под давлением вульгарно-социологических и других нормативных решений.

Характерно, что военная реальность и общность порожденных ею проблем вызвали в национальных литературах во многом сходные жанрово-структурные поиски. Ведущие позиции занимают «малые» жанры: стихотворение, очерк, рассказ и др. Понятно, что «малые» жанры по своему содержанию были максимально близки происходящим событиям. Они оперативно реагировали на меняющуюся ситуацию, стремясь соединить правду жизни и правду вымысла, накапливали материал, готовили тему для более масштабного художественно углубленного изображения. Одной из особенностей этой литературы был интерес к романтическим формам и условно-аллегорической об-

разности. Героико-патриотическое чувство обусловило интерес к герою в его связи с масштабными понятиями и грандиозными событиями. Отсюда укрупнение образа, романтическая условность, аллегорические сюжеты.

В литературе послевоенного десятилетия намечается заметное продвижение в сторону многотемности и многообразности. Проявляется это в более развернутом и правдивом в психологическом отношении показе темы войны, в отражении «темы труда» и горячих «производственных конфликтов», в создании таких художественных коллизий, которые могли сформировать новые жанровые формы.

Намеченные эстетические подходы, однако, слабо выразились и не сложились в условиях давления со стороны советского социокультурного общественного строя и вульгарно-социологических предписаний. На всех периодах, и предвоенном, и военном, и послевоенном, вошедших во второй этап, лежит в то же время печать переходности, что сближает их и объединяет в один сложный, противоречивый, разноуровневый в художественном отношении этап.

Известно, что дальнейшие десятилетия коренным образом изменили не только развитие литературы, но и всей духовной жизни в стране. Этот действительно новый период был связан со значительными изменениями в общественно-политической и культурной жизни. Он датируется примечательной датой – 1956 годом и нередко определяется как «современный». Известно, что данное время знаменательно попытками осуждения тоталитарной идеологии, культ личности и заметным развитием демократических норм в жизни общества. Внимание к феномену отдельной личности, провозглашенная на этом этапе, основополагающая идея о «самоценном значении личности» оказали во многом определяющее влияние на дальнейшее развитие художественно-эстетического процесса.

Обновление литературы сказывается в ее заметном движении к проблемному и эстетическому многообразию. Черты нового этапа проявились также в развитии всех жанров в сторону художественной аналитичности, концентрированной образности. Особенно показательными и плодотворными оказались художественные поиски короткой повести.

Развитие литературы на этом, качественно новом этапе, было тем не менее осложнено номенклатурным вмешательством и партийными догматизированными ограничениями. Связано это с тем, что существовавшая десятилетиями социалистическая командно-административная система не могла качественно перестроиться. Она устояла и упрочила со временем свои позиции. Социально-критическая, образно-аналитическая тенденция столкнулась в этих условиях с охранительными идейно-эстетическими принципами «развитого социализма». Литература, призванная самой непростой реальностью к многообразному и углубленному показу трудной человеческой судьбы, сбивается на «скоростное» изображение характеров, на конформистское решение художественных конфликтов.

Новые веяния ярко проявились и в молодых литературах. Более того, типологические закономерности периода выразились здесь в своеобразных и необычных жанрово-стилевых формах, обогативших литературу и дополнивших общую картину отечественного художественного процесса. Если взять адыгские литературы, то такие тенденции, как притчевость и мифологизированное письмо, в них проявляются в меньшей степени. Но зато социально-психологический роман, ориентированный на изображение углубленных характеров и акцентированных проблем, сделал значительные шаги. Проблемно-аналитическое, углубленно-психологическое изображение, востребованное временем, пробивало себе дорогу с более значительными затруднениями. Неравномерное развитие различных жанров, подчас упрощенное изображение сложнейших коллизий было вызвано отсутствием опыта и проверенных временем традиций.

Отдельного и специального подхода потребует оценка литературного процесса, складывающегося после революционных изменений в конце 80-х и начале 90-х гг. Развал тоталитарной системы советского государства и кардинальное изменение социокультурного климата на огромном пространстве бывшего Советского Союза вызвало разрушение сложившегося единства литератур и в целом литературного процесса. Каким образом пойдет дальнейшее развитие национальных культур? В какой степени возможно их взаимодействие и взаимо-

влияние? Какие формы литературных связей возможны в этих условиях?

На эти непростые вопросы должно ответить время. Сейчас идет трудный процесс самоопределения национальных литератур, входивших раньше в общесоветское искусство. И здесь, в этой ситуации, возникают определенные опасные тенденции. Эйфория, вызванная национально-освободительным движением и государственной самостоятельностью, может толкнуть литературу на путь самоизоляции. Понятно, что это является в какой-то степени реакцией на ранее сложившуюся командно-административную систему, стремившуюся подавить национальный компонент и навязать художнику наднациональные политизированные эстетические принципы. Но следует помнить и о том, что литература интернациональна по своей природе и не терпит национальной узости и ограниченности и что путь к самоизоляции может завести ее в тупик.

Существует еще один, важнейший план исследования национальных литератур, включаемых в отечественную культуру. В отношении типологических сопоставлений и установления особенностей национальной культуры большое значение приобретает литература диаспоры. Во многих литературах это особый структурно-тематический пласт, которому в последнее время уделяется немало внимания. Литература диаспоры, если взять общеадыгскую культуру, представляет собой не только не изученный, но во многом неоткрытый, некалфицированный материал, без осознания и анализа которого невозможно представить сложный мир национального самосознания. Эта литература создавалась на протяжении полутора веков переселенцами разных времен в странах Ближнего Востока, Европы, США и т.д.

Наследие это оказывается неоднозначным по содержанию и форме, сложным, прежде всего, в плане определения его настоящей природы и национального менталитета. Большая часть этой литературы на самом деле возникает и формируется в иноязычной оболочке. И не только. По характеру содержания и художественной направленности она становится неотъемлемой частью культуры того народа, на языке которого создается. Характерно в этом отношении творчество таких крупных турецких писателей, как Омер Сейфеддин, Халиде Эдиб

и др. При исследовании творчества таких художников возникают следующие вопросы: «Насколько оправдано включение творчества таких писателей в орбиту общеадыгской национальной культуры? Можно ли таким образом пытаться расширить исторический контекст национального самосознания?» Здесь, на наш взгляд, будет нужна неторопливая и кропотливая исследовательская работа, работа, лишенная эмоционального подхода и поспешных выводов. Необходимо в этом случае учесть, что речь идет о большом по своему масштабу художественно-эстетическом наследии, о материале, представленном на множестве разных языков, о литературе, созданной в контексте различных национальных культур, о произведениях, принадлежащих разным историческим эпохам.

Примечания:

1. Вривень с веком. Р. Г. Мамий – Майкоп, 2001.

2. История русской литературы XIX века. Г. Н. Поспелов. – Т.2. – М., 1962.
3. Мысли об адыгейской литературе. М. Ш. Кунижев. – Майкоп, 1968.
4. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. К. Султанов. – М., 2001. – С.75.
5. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. И.Г. Неупокоева. – М., 1963. – С. 11.
6. О стилевых течениях и «национальных стилях» в советской многонациональной литературе // Единство. Сборник о многонациональной советской литературе. Ю. Суровцев. – М., 1972. – С.71; Типологические связи эстонской советской литературы с литературами других народов. Н. Басель. – Таллин, 1980. – С.37.
7. Советская литература // Краткая литературная энциклопедия. Т.6. Ю. Суровцев. – М., 1971. – Стлб. 1020.
8. Типологическое изучение литератур и его принципы // Вопросы литературы. М. Храпченко. – 1968, – № 2. – С. 60-65.
9. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. К.Г. Шаззо. – Тбилиси, 1978.